

9 июня 2010 года радиопередача «ПОКОЛЕНИЕ НОЛЬ: чего хочет молодежь?».

Цикл «Археология». Радиостанция "Финам FM"

В гостях: Сергей Шейхетов, социолог; Светлана Майорова-Щеглова, профессор РГГУ; Николай Сирый, директор гимназии №1519 г. Москвы

МЕДВЕДЕВ: Добрый вечер. В студии Сергей Медведев, это программа "Археология". Ну что, друзья, уже несколько недель, недели две как летит за окном тополинный пух, а это значит, что пришла пора выпускных экзаменов, заканчивается школа. И точно так же пришло время поговорить о школе.

Очень такой интересный у нас цикл получается. Мы говорили об этом в начале вот этого, ну, не учебного года, а после зимних каникул. В начале января у нас была программа в связи с тем, что вышел на экраны телесериал "Школа". Сейчас тоже очень интересно, так они приурочили, он закончился в конце мая, телесериал. И, мне кажется, что тема, она очень актуальна. Актуальна не только в связи с выпускными экзаменами, но вообще со многими темами, которые поднимаются...

Например, вот я ехал в машине сейчас, слушал позапрошлый эфир коллег Метлиной и Муравьёва, в частности там говорилось о чиновничестве, о наших выпускниках, о том, что половина выпускников нынешних школ хотят быть чиновниками, то есть они видят себя чиновниками. Собственно, встаёт вопрос: а чего хотят выпускники, чего хотят наши дети? И сформулировалась тема нашей программы: "Поколение ноль: чего хочет молодёжь?"

У нас в студии три гостя, которые нам помогут понять эту проблему. Это Сергей Шейхетов, директор по исследованиям компании "Ипсос". Добрый вечер, Сергей.

Николай Сирый, Светлана Майорова-Щеглова, Сергей Шейхетов

ШЕЙХЕТОВ: Добрый вечер.

МЕДВЕДЕВ: Это Николай Сирый, директор гимназии № 1519 Москвы. Добрый вечер.

СИРЫЙ: Добрый вечер.

МЕДВЕДЕВ: И Светлана Майорова-Щеглова, профессор РГГУ. Добрый вечер, Светлана.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Здравствуйте.

МЕДВЕДЕВ: Ну что, друзья, может быть, начнём вот с этого вопроса? Вы знаете, я "Школу" смотрел в начале. В какой-то момент это всё отстало, отшумели немножко вот эти все дебаты в Госдуме, все эти протесты, "Первый канал" на время Ванкувера прекратил её показывать, затем продолжил.

Я не смотрел до конца, но вчера ночью, я признаюсь, я сидел до утра, и я посмотрел часть и, собственно, все последние серии этого телесериала. Так что я могу сказать, что я в курсе, и я в достаточной степени впечатлён, в том числе и художественным уровнем, на котором это сделано. Но вот я хотел спросить, возвращаясь к тем спорам, которые были в январе-феврале, насколько это всё отражает действительность в жизни? Вот эта вот "Школа", снятая Гай Германикой, насколько она похожа на школы в жизни? Николай Иванович?

СИРЫЙ: Я хочу сказать, что, когда я посмотрел первые серии, конечно, реакция была негативная на этот фильм. Потому что... Ну, в целом весь негатив, который можно было собрать в школе, он был собран именно в этом сериале. И показалось, что, в общем-то, одна из основных целей этого сериала – в какой-то степени, может быть, очернить школу.

Тем не менее, посмотрев последующие серии, я начал ловить себя на мысли, что, конечно, мне как руководителю образовательного учреждения необходимо смотреть этот сериал, чтобы ловить некоторые нюансы, которые пыталась показать режиссёр. Те нюансы, которые, может быть, заметнее со стороны. И, хотя я представляю образовательное учреждение в какой-то степени, может быть, элитное – это гимназия, это учреждение повышенного уровня, где идёт отбор детей. Тем не менее, очень много полезного было увидено.

На самом деле, несмотря на то, что некоторые моменты были показаны на каком-то гипертрофированном уровне, посмотрев фильм до конца, всё-таки, мне кажется, для общества он достаточно полезен именно тем, что он обнажил проблемы, которые существуют в школе, которые существуют, в первую очередь, в подростках. Проблемы, которые существуют в отношениях между детьми и взрослыми, между детьми и родителями, и, конечно, в отношениях, которые существуют между детьми и педагогами.

МЕДВЕДЕВ: Спасибо, Николай Иванович. Я хочу сейчас Светлану Майорову-Щеглову спросить. Мне кажется, что "Школа", она... Вы знаете, действительно, может быть, концентрирована. Вот как, скажем, показать больного человека. Ведь не можем же сказать, что всё общество больно, мы показываем некоторую историю болезни. И "Школа" показывает в концентрированном виде эту болезнь и даёт диагноз. Вот, по-вашему, какой здесь может быть поставлен диагноз по этому фильму?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Самой школе, наверное, отрицательный диагноз. Я имею в виду школу как учебному заведению.

Светлана Майорова-Щеглова, Сергей Шейхетов

МЕДВЕДЕВ: Школе и обществу, которому оно принадлежит.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Нет, я всё-таки склонна считать, что это, скорее, оценка современной школы.

МЕДВЕДЕВ: Самого института школы?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Да, да.

МЕДВЕДЕВ: И какие, собственно, нам из этого выводы делать? Хорошо, прогноз негативный, а более подробно?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Ну, всё-таки программа не о школе, а о детях. Как мне кажется, показаны дети, конечно, в таком гипертрофированном виде действительно, тут я соглашусь, которые очень чётко, как барометр отмечают все недостатки современной школы. Самый главный недостаток школы, конечно, связан с обществом, но дети не понимают, что общество виновато в этом. И, как мне кажется, режиссёру не удалось показать, что это общество сделало школу такой.

МЕДВЕДЕВ: А дети, они репрезентативны, они представляют тех детей, о которых мы говорим? Вот то самое поколение, которое мы сейчас будем исследовать, поколение, так скажем, с 15 до 25 лет?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Дети, показанные в этом сериале, вы имеете в виду?

МЕДВЕДЕВ: Да, да, да.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Да, определённую часть, да.

МЕДВЕДЕВ: Их проблемы, их подходы.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Да, я думаю, да. Но самое главное – их отношение к школе точно показано. Как мне кажется, что самое главное видят дети? Парадоксальную фигуру современного учителя. С одной стороны, на него возложены огромные задачи подготовки к этой сложной жизни, такой непростой, в которой взрослые-то люди не в состоянии разобраться.

С другой стороны, сегодня учитель очень часто – образец, представляющий из себя не очень успешного человека. То есть неуспешные люди, по современным понятиям общества, пытаются так подготовить детей, чтобы они были успешны в будущем, и им это не очень удаётся.

МЕДВЕДЕВ: Спасибо. Сергей, я знаю, что ваша компания проводила недавно исследование "Герой нашего времени" как раз вот в этой возрастной категории. Дети фильма Гай Германики, они совпадают с вашей социологической оценкой?

ШЕЙХЕТОВ: В общем-то, да. Мне кажется, на самом деле, почему такой резонанс вызвал этот фильм? Ну, помимо своих художественных достоинств, которые, безусловно, там есть. Просто не ожидали, что такое поколение выросло. Как-то мы привыкли видеть с экранов, из художественных фильмов, из рекламных роликов, портрет современной молодёжи – это такие карьерно ориентированные яппи в костюмах, в галстуках, такие офисные товарищи, которые стремятся в лучшие университеты страны поступить, потом в какие-то интернациональные компании и по карьерной лестнице бодро и весело идти вперёд-вперёд. Такие вот идеальные строители такого общества потребления капиталистического.

На самом деле вехи сменились. Этот портрет был характерен для 90-х годов в достаточной степени. Сейчас выросло уже другое поколение, которое...

МЕДВЕДЕВ: Чем оно отличается от поколения 90-х?

Сергей Шейхетов

ШЕЙХЕТОВ: У них совершенно нет такого корпоративного задора, они не хотят делать карьеру, они не хотят стремиться добиваться каких-то там высот в бизнесе, они не хотят напрягаться в принципе. То есть это люди достаточно расслабленные, они реализуют себя не на работе. Поколение 90-х, безусловно, реализовывало себя на работе. Если ты достиг каких-то высот по карьерной лестнице, значит, ты успешный человек, значит, ты себя реализовал.

Для этого более молодого поколения характерна реализация через хобби. Ты можешь работать где-нибудь... Как правило, они действительно работают после школы, чаще всего после института. Это такая работа непыльная, какая-нибудь офисная, зарабатывают они не очень много, ни к чему не стремятся. При этом основная жизнь, основные интересы,

они в рамках хобби, в рамках какой-то субкультуры, где они себя действительно реализуют и там чувствуют себя более успешными. А работа – это всё такое...

МЕДВЕДЕВ: Соответственно, тогда падает и ценность образования, если падает вот эта вот достижительная парадигма, уходит, то в гораздо меньшей степени дети заинтересованы в хорошем стартовом капитале.

ШЕЙХЕТОВ: В образовании заинтересованы больше для того, чтобы познакомиться с интересными людьми, влиться в тусовку, но не для того, чтобы получить какие-то практические знания, которые потом можно будет занести себе в резюме и как-то двигаться по карьерной лестнице.

МЕДВЕДЕВ: Николай Иванович, вы согласны с такой... Мы понимаем, что у вас отдельный кейс, отдельный случай, гимназия есть гимназия, но в целом с такой оценкой нынешнего поколения детей?

СИРЫЙ: Во-первых, я хочу немножко поспорить со Светланой. Потому что говорить о том, что сегодня в школе работают неуспешные люди, не совсем правильно. В школе работает очень много успешных людей, людей, которые добиваются существенных результатов. И это люди, которые могут чему-то научить детей, и, в общем-то, достаточно значимым достижениям.

Во-вторых, вы знаете, тоже не согласен с тем, что это негативный срез школы сегодняшнего дня в целом. Это срез общества. Что такое школа на сегодняшний день? Это зеркальное отражение общества. И все болезни, которые существуют в школе, они, естественно, болезни общества. И первое, с чего начинается эта болезнь – она начинается с семьи.

Понятно, что за основу тех проблем, которые существуют, которые необходимо решать, необходимо в первую очередь решать проблемы семьи. Ведь даже в нашем успешном учреждении по статистике около 40% детей воспитывается только одним родителем. И это проблема, это проблема, в общем-то, общества. Это проблема, которая отражается и на отношениях с взрослыми людьми, на восприятии окружающего мира, на тех ценностях, которые в первую очередь формируются в семье, а потом они уже формируются в школе. И ещё один момент...

Николай Сирый

МЕДВЕДЕВ: Хотелось бы ваш комментарий на то, что Сергей сказал, что у детей пропал вот этот вот идеал достижения чего-то.

СИРЫЙ: Не совсем я согласен. Может быть, действительно, у меня выборка немножечко иная идёт, потому что это всё-таки дети, которые продвинуты в обучении, это дети, которые поступают на конкурсной основе. И я вам хочу сказать, что у нас очень много детей, которые интересуются и науками в том числе, интересуются достижениями, проектно-исследовательской деятельностью. И, собственно говоря, по большому счёту, проектно-исследовательская деятельность – одно из основных направлений работы таких учреждений повышенного уровня, как лицеи и гимназии.

МЕДВЕДЕВ: Ну, так скажем, естественно, вы сами признаёте более высокий уровень здесь, чем в целом. Вы знаете, нам сейчас нужно уйти на рекламу. Напомним нашим слушателям телефон наш студийный многоканальный: 730-73-70 730-73-70. Можете начинать нам звонить с ответом на вопрос: как вы относитесь к современной молодёжи, верите ли вы в современную молодёжь? Или что-то такое произошло в последнем поколении, какой-то сдвиг за последние 10-15 лет, после которого можно сказать, что дети радикальным образом изменились? Мы уходим на рекламу.

МЕДВЕДЕВ: И снова добрый вечер. В студии Сергей Медведев. Наши гости сегодня: Сергей Шейхетов, директор по исследованиям компании "Ипсос", Светлана Майорова-Щеглова, профессор РГГУ, Николай Сирый, директор гимназии №1519. Говорим мы о поколении ноль, детях, выросших в 2000-е годы, в нулевые годы. Чего хочет наша молодёжь?

У нас на сайте висит опрос, можете проголосовать: "По сравнению с предыдущим поколением, нынешняя молодёжь..." У вас есть четыре варианта: более самостоятельная, более инфантильная, более равнодушная, мы всегда недовольны молодёжью. И у нас ещё есть опрос на бульваре. Наши корреспонденты вышли на Чистопрудный бульвар и спросили людей: "Как вы относитесь к современной молодёжи? Верите ли вы в неё?" И вот, что они услышали.

(Опрос)

– Если сравнивать с моим поколением, более равнодушное что ли стало. Но, опять-таки, есть хорошие ребята, отзывчивые, а есть те, которые пройдут и руку не подадут. Я верю в лучшее, я своих ребят воспитываю так.

– Нормально. Они не хуже, не лучше нас. Немножко другие, вот и всё. Просто живут в другое время. Мы не такие, как были наши деды. Не вижу ничего страшного.

– Я в неё верю. Хотелось бы, конечно, чтобы они больше интересовались тем, что происходит в разных сферах жизни. Есть всё-таки надежда на современное поколение.

– Молодёжь наша современная, скорее, деградирует, чем совершенствуется. Молодёжь – это поколение, которое лучше предыдущего. Не надо мешать ей развиваться экспериментами типа ЕГЭ.

– Очень хорошо. Потому что я знаю, что большая часть людей, именно молодёжи, очень нормальные, хорошие продвинутые ребята. Каждая эпоха имеет конфликт поколений, старшего и более молодого. А как нам жить без этой молодёжи? Конечно, надо верить.

МЕДВЕДЕВ: Вот такие, достаточно оптимистичные ответы. Хотя, казалось бы, выйдите к памятнику Грибоедову и посмотрите там, так сказать, между памятником Грибоедову и Чистыми прудами на скамеечке вдоль Чистопрудного бульвара. И ваше мнение о современных молодых людях может резко пошатнуться. Хотя наши респонденты выказали такой осторожный оптимизм.

Ну а я хочу обратиться к нашим гостям. Совершенно очевидно, что вот это поколение, которое, так скажем, в эпоху Путина сформировалось с 2000 по 2010 год. Собственно говоря, все черты этой эпохи спроецировались на это поколение. Как на них повлияла эта стабильность, нефтяной бум, кредитный, потребительский бум? Сергей?

ШЕЙХЕТОВ: Ну, я бы не сказал, чтобы прямо все черты на низ спроецировались. Официальная идеология, по крайней мере, в это десятилетие была такая вот державная, патриотическая. Но вот идей такой державности и патриотизма в молодёжи не очень много. Есть, конечно, такие группы, движение "Наши" и около них, которые, не знаю, с какой степенью искренности, сильно сомневаюсь, что они очень искренние.

МЕДВЕДЕВ: Ну да, низовые ли они. Их ведь на автобусах в Москву... Хотя...

Светлана Майорова-Щеглова

ШЕЙХЕТОВ: А так, нет, этого нету. Безусловно, повлияли какие-то объективные факторы, в первую очередь материальная стабильность. У предыдущего поколения, поколения 90-х, зачастую иногда просто не было выбора. Их родители – это те, кто больше всего пострадал от развала союза, они в одночасье оказались без денег и могли просто не содержать или, по крайней мере, очень мало давать денег своим детям. Им было тяжело как-то пробиваться в жизни, они вынуждены были это делать, вынуждены были напрягаться и так далее, и тому подобное.

У молодёжи 2000-х такой проблемы не было, потому что, как правило, это дети поколения комсомольцев 80-х, которые довольно успешно прожили эту посткоммунистическую трансформацию, стали состоятельными людьми, средним классом, либо выше. И своих детей они уже воспитывали в достаточно благополучных условиях.

То есть вот у этих вот ребят, которые вошли во взрослую пору в 2000-е годы уже вопрос финансовой стабильности, вопрос денег, вопрос физического выживания зачастую не стоял. Они могли неторопливо выбирать, присматриваться, что им интересно, куда

податься. Собственно, они и сейчас этим занимаются. Как правило, выбор сдвигается во всё более поздний возраст.

МЕДВЕДЕВ: То есть, более тепличные условия. Вот у друзей я наблюдаю даже такие вещи как... Я не знаю, решается вопрос, человеку 15 лет, что нужна кредитка своя. Как же так, у всех ребят кругом кредитки, а у меня, 15-летнего человека нет кредитки. Естественно, оговоримся, что мы здесь не за всю Россию говорим, не за всю страну. Всё-таки наши слушатели – в основном Москва и Московская область. Ну, по крайней мере, в нашей вот этой вот выборке это довольно актуальный вопрос. То есть дети поколения стабильности. Что ещё, как повлияла вот эта путинская эпоха, эпоха, когда Россия поднимается с колен, эпоха экономической стабильности, нефтяного бума? Светлана?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Мне кажется, что ещё очень большое значение имело то, что родители большинства детей из этого поколения, оправившись после кризиса 98-го года, имели достаточно стабильную работу, но при этом прекратили ориентировать собственных детей на какую-то профессию.

Вот мы сейчас провели исследования, и очень интересные данные. Ориентируют на образование какое-то, давая напутствие "всё равно потом сменишь". То есть чёткая линия: нужно базовое образование, а затем уже искать. Если раньше перед поколениями стояла задача определиться раньше, как мне кажется, с профессией, то сейчас вот этот профессиональный выбор отодвигается на время после высшего учебного заведения. То есть, такое вот отсроченное принятия решения.

МЕДВЕДЕВ: То есть большой инфантилизм этого поколения?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: В этом смысле да, если так это называть. То есть конец молодости не тогда, когда ты пошёл учиться в университет, а конец молодости только тогда, когда ты вышел за стены.

МЕДВЕДЕВ: Очень интересно. Я хочу нашим слушателям напомнить телефон студии: 730-73-70 730-73-70 . И вот давайте послушаем, что вы думаете вот по какому вопросу: согласны ли вы со Светланой, что нынешние дети более инфантильны, что их возраст взросления наступает позже, чем 10 или 20 лет назад?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Не только с профессией это происходит. Прежде всего, это с профессией, но точно так же отодвигаются планы на семью и детей. Мы отмечаем это. Если раньше всё-таки 25 лет... Ну, у девушек был такой критический возраст, когда нужно было определяться точно, то сейчас абсолютное большинство при общей сохраняющейся ориентации на семью и детей, есть такая ориентация, не отказываются от семьи и детей в будущем, но отодвигается дальше.

МЕДВЕДЕВ: Ну да, это западный такой тренд. Знаете, скажем, в Германии я имел возможность наблюдать, там настолько позднее взросление, годам к 30! Там здоровые лбы 20-летние, они ещё... У них 11 классов школа, они ещё в какой-то зоопарк их водят, им там 18-19 лет. Потому он подумает года 3, потом в университет поступит, поменяет 2-3 университета, глядишь, к 30 годам с образованием определится.

У нас есть немножко времени до перерыва. Сергей у нас на линии. Сергей, слушаем вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Я к словам Светланы хочу немножко добавить. Вот смотрите, она сказала, что сейчас не стоит выбор профессии после школы, а стоит выбор

профессии после вуза. Я думаю, что раньше человеку можно было пройти определённую подготовку и иметь профессию на протяжении нескольких десятилетий. А сейчас развитие всех отраслей настолько ускорилось, что...

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: То есть, смысла нет.

СЛУШАТЕЛЬ: Для того чтобы оставаться на месте, нужно бежать со всех ног. То есть человек, получает какое-то образование и, выходя из института, он видит, что уже всё и изменилось. Поэтому ему нужно заново всему этому учиться.

МЕДВЕДЕВ: Очень интересно, Сергей.

СЛУШАТЕЛЬ: То есть сейчас действительно в вузе нужна именно базовая подготовка для того, чтобы человек мог, выйдя из вуза, оперировать какой-то литературой, какими-то источниками, Интернетом, и быстро адаптироваться в современном мире.

МЕДВЕДЕВ: Да, да, да. Вы правы, Сергей. Вот у нас, скажем, в Высшей школе экономики мы точно так же этим занимаемся. Мы понимаем, что нужно выпускать не столько специалиста, сколько максимально давать базовых дисциплин. Потому что сейчас у людей начинаются нелинейные жизненные траектории, то есть ты постоянно меняешь профессии, ты постоянно должен бежать с трендом, быть немножко впереди тренда. Не то, что ты 5 лет учился профессии, выпустился молодым специалистом, отработал по распределению, как было раньше.

У нас пришло время новостей, так что послушаем о нашем быстро меняющемся мире от Богдана Засульского.

МЕДВЕДЕВ: Добрый вечер. Это программа "Археология", в студии Сергей Медведев. Спасибо Кириллу Бигельдину за новости. Одна новость, кстати, в тему. О том, что немецкие школьники бастуют, протестуют, требуют улучшение образование, которое они видят в том, чтобы образование стало бесплатным. Хотя далеко не факт, что это будет связано, что если оно будет бесплатным, то оно будет лучше.

Ну а мы говорим о наших российских школьниках, о наших российских детях. Тема нашего сегодняшнего эфира: "Поколение ноль: чего хочет молодёжь?" В студии у нас трое гостей: Сергей Шейхетов, директор по исследованиям компании "Ипсос"; Светлана Майорова-Щеглова, профессор РГГУ; Николай Сирий, директор гимназии № 1519. 730-73-70 730-73-70 – телефон нашего прямого эфира. Позвоните нам и скажите, стала ли нынешняя молодёжь, вот те, кто выпускается сегодня из школы, из университетов, вот те, кому сегодня от 15 до 25 лет, более инфантильной, менее самостоятельной по сравнению с прошлыми годами.

А я пока озвучу интересную статистику Фонда общественного мнения. 30 наиболее интересных для молодёжи мест работы. На первом месте, что бы вы думали?

ШЕЙХЕТОВ: Государственная служба.

МЕДВЕДЕВ: Ну, практически, близко. "Газпром". Дальше в тройке идёт администрация президента, МВД, РЖД, "ЛУКОЙЛ", "Сбербанк", "Роснефть". То есть, всё достаточно предсказуемо. Но всё это можно назвать словом "госструктуры". И вот, вы знаете, меня удивляет, каким образом представить, что 20 лет назад, 10 лет назад сказали, что у 15-17-

летнего будет мечта пойти в госструктуры, стать госчиновником... Это же вообще в кошмаре не представишь. А сейчас дети идут спокойно. Чем это объяснить, Сергей?

ШЕЙХЕТОВ: Это такая непыльная работа. Поскольку, как я уже сказал, для этого поколения характерна самореализация через хобби. Они не связывают со своей профессиональной деятельностью каких-то суперожиданий, и не очень-то вкладываются в эту профессиональную деятельность.

Что им нужно от работы, от профессии? Чтобы она была не очень напряжная, более-менее стабильная зарплата, на которую можно жить не сильно роскошно, но чтобы хватало на жизнь. И побольше свободного времени, в котором они могут самореализовываться в каких-то хобби, в путешествиях, в каких-то других вариантах. А государственная служба – это идеальное место. Ты там получаешь какой-то стабильный оклад, сидишь за компьютером с 9 до 6, особо не напрягаешься, половину этого времени где-нибудь по социальным сетям шарисься. Вот и всё.

МЕДВЕДЕВ: Мне кажется, Интернет очень сильно повлиял на демотивацию молодёжи. Есть даже такие вещи как демотиваторы, но сейчас не будем о них говорить. Но вот то, что пропал какой-то мотивационный стержень, то, что вот эта вот рассеянность внимания по огромному полю Интернета. Светлана, как вы считаете?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: На самом деле исследования показывают, что ходит в Интернет молодёжь с определёнными целями, прежде всего, общаться. И в данном случае я не вижу основания для опасений, что общаются они не с теми людьми или не по тем вопросам и так далее. Как раньше они общались со своей же возрастной аудиторией, так и здесь они общаются с этим же возрастом.

МЕДВЕДЕВ: Скажите как социолог, это же совершенно другой тип социализации, это неконтактная социализация, это виртуальная, и человек, собственно, теряет базовые социальные навыки общения, общаясь вот в этих группах в Интернете.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Наши исследования показывают, что те, кто зависает больше в Интернете, в сети, на самом деле обладают и в обычной жизни большими способностями для общения.

МЕДВЕДЕВ: Вот так, да?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Нет того, что пророчили десятилетие назад, что часть детей полностью уйдёт в Интернет, замкнётся и так далее. Даже сетевые игры предполагают очную встречу: нужно общаться, нужно передавать друг другу какие-то материалы для этого, обсуждать, как пройти нужный уровень и так далее.

МЕДВЕДЕВ: Николай Иванович, а ваши дети как? Вы не считаете необходимым ограничивать использование Интернета каким-то количеством часов в день?

СИРЫЙ: Конечно же, нет. Я хотел бы уточнить, что это дети, которые родились в период так называемой демографической ямы. И в какой-то степени это дети, может быть, чрезмерно заласканные, может быть, это дети, у которых в большей степени выражено собственное я. И это, наверное, отражается на их последовательной деятельности.

Я хочу сказать, что вообще-то вопрос общения – это отдельная тема. Почему дети уходят в Интернет? Потому что им не хватает общения. В первую очередь, к огромному

сожалению, не хватает общения в семье, того общения, которое они бы хотели получить. И очень интересный момент. Выпускник нашей гимназии Андрей Терновский, достаточно известный сейчас, он находится в Силиконовой долине, он изобрёл сайт Chatroulette.

МЕДВЕДЕВ: Да, да, да, когда случайные люди на экране у тебя появляются. Видел-видел!

СИРЫЙ: Совершенно верно. И я вам хочу сказать, что, как ни странно, этот сайт получил огромную популярность за океаном, не совсем у нас. Потому что там есть возможность скрытого общения определённого. И это тоже говорит о каких-то проблемах, которые возникают у подростков, в первую очередь, наверное, психологического характера, потому что общения не хватает. Если есть возможность скрытого общения, они с удовольствием её используют. В первую очередь это не только наша проблема, это международная проблема.

Мы буквально недавно встречались с педагогами Великобритании, и они говорили, что такие же проблемы возникают, как и у нас: потеря мотивации у детей, проблемы общения, которые возникают в первую очередь в семьях и так далее. И, я думаю, что в этом отношении наши дети ещё как-то более прогрессивны, наверное, чем дети за океаном.

МЕДВЕДЕВ: 730-73-70 730-73-70 – телефон прямого эфира. Давайте послушаем, что думают наши слушатели по поводу того, стали ли дети в нынешнем поколении более инфантильными что ли, менее самостоятельными, менее ответственными, чем 10 или 20 лет назад. Андрей в эфире. Андрей, добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер. У меня вот такой вопрос. А не кажется ли вам, что вся эта инфантильность проистекает... Я не говорю о детях хорошо обеспеченных родителей, я говорю о среднем классе и чуть ниже среднего, то есть о тех, кто вам встречается повсеместно на улице. То есть, такая типичная картина: молодой человек, неважно из школы он или из института, берёт баночку пива, другую... И в этом заключается, в принципе в этом заключается всё его общение с его ровесниками.

МЕДВЕДЕВ: В пиве?

СЛУШАТЕЛЬ: Без этого у них просто общения нет как такового. То есть всё общение идёт исключительно в сопровождении пива и прочего. Как вы считаете? Нет ли такой угрозы потенциальной для нашей молодёжи теперешней?

МЕДВЕДЕВ: Спасибо, спасибо за вопрос, Андрей. Ну, что скажете, коллеги? Насколько вот эта демотивация, инфантилизация, она связана с пивной культурой в том числе? Кстати, картинка, которую поставили наши редакторы сайта к сегодняшнему анонсу, это группа людей, окружённых батареей пива. Вот это вот всегда меня потрясало, как люди с двумя бутылками идут. Одной мало – появится комплекс беспокойства. У ребёнка, когда нету соски, то же самое. Вдруг бутылка пива кончится – у тебя вторая в запасе.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Вообще парадокс есть некоторый в этом поколении, тоже отмеченный в исследовании, недавно проведённом нашими социологами. Ориентация на словах на здоровый образ жизни, который проявляется, скорее, в уходе за телом, в интересе к своей внешности, в косметических каких-то процедурах, как у девушек, так и у юношей сейчас. Но при этом абсолютное большинство говорит о том, что пиво пьют, курят. То есть это стало естественным, нормальным времяпрепровождением. Может быть то, о чём говорил коллега, таким образом, снимаются сложности личного общения.

МЕДВЕДЕВ: Ну да, интересно. То есть, у нас такие новые средства социализации в виде пива и Интернета. Правда, с совершенно разными последствиями. Вы знаете, давайте сейчас поднимем вот такой вот вопрос: насколько всё это оказывает влияние на политические предпочтения? Потому что, вы знаете, эта группа, хотя она ещё не является в полной степени электоратом, но они уже являются частью будущего электората. Следовательно, нужно их как-то исследовать.

У нас на связи Валерия Касамара, заместитель декана факультета прикладной политологии Высшей школы экономики, которая как раз проводила исследование московских школьников и одновременно с другой стороны – бездомных детей. Валерия, добрый вечер.

КАСАМАРА: Добрый вечер.

МЕДВЕДЕВ: Валерия, и что выявило это исследование? В какой степени дети вообще являются политически грамотными, политически ориентированными, которые были затронуты?

КАСАМАРА: Я сначала хочу начать с рабочей гипотезы, которая у нас была перед стартом этого исследования. Сейчас я уже понимаю, что я была слишком наивна. Мне казалось, что должна быть дистанция огромного размера между московскими школьниками, которых мы опрашивали в хороших московских гимназиях, и между детьми улиц. Мы их так вот политкорректно называли, потому что это те ребята, которые обитали на вокзалах, которые убегали из детских домов, у которых неблагоприятные семьи, они скитаются, живут где-то на чердаках и бегают от милиции.

И, мне казалось, что вот две диаметрально противоположные целевые аудитории, что одни должны быть достаточно, не то, что политизированы, но, по крайней мере, социализированы. А другие должны продемонстрировать такое вот трущобное сознание. В результате, когда стали обрабатывать данные, оказалось, что дистанция между ними не такая и огромная. Говорить о какой-то политизированности что одних, что других, честно говоря, не приходится. Это были ребята, которым было от 14 до 16-17 лет.

МЕДВЕДЕВ: Насколько они вообще представляют, что происходит в России, в мире, насколько они знакомы с современной политикой?

КАСАМАРА: Сергей, между ними следующая разница. Если московские школьники живут представлениями и взглядами, которые озвучиваются и демонстрируются на "Первом канале", то до детей улиц всё доходит в несколько искажённом виде, потому что они не смотрят телевизор, а слышат то, что было сказано по телевизору от своих работодателей, либо от старших товарищей.

Поэтому это такое очень странное, трущобное сознание, на самом деле такое средневековое. Поэтому для них для всех главным врагом является Америка. Чем она им угрожает, они не могут сказать, но Америка – враг. Поскольку мы проводили исследования практически сразу после грузинских событий, то врагом оказалась и Грузия, поскольку она хотела с нами воевать, а её поддерживает Америка. Поэтому такой вот двойной враг.

Единственный реальный враг, который был выявлен... Потому что у московских школьников кто может быть враг? Двойка или строгие родители. А у этих детей врагами были их конкуренты по заработку. Поскольку мы их опрашивали и на различных рынках,

то там были конкурентами... Опять же, может быть, не политкорректно, но мы условно назвали их "люди с Кавказа" или "хачики", они их называют как угодно. Но это те люди, которые претендуют на те же рабочие места, что и они, то есть люди, которые могут отнять у них реальную работу.

А всё остальное, оно очень такое средневековое. То есть лучший президент России – это что-то типа доброго царя, который очень любит народ, душой за него болеет, радуется, при этом готов публично прищучить тех чиновников, которые мешают реализовать ему свою главную задачу – сделать всем хорошо.

МЕДВЕДЕВ: Я видел, что там была очень интересная пятёрка тех людей, кого хотели видеть президентом России: Путин, Жириновский, Медведев, Сталин и Турчинский, уже покойный. Это было год назад.

КАСАМАРА: Да, это то, что вообще называлось. Потому что, когда спрашивали детей улиц о том, кто является на сегодняшний момент президентом России, кто-то называл даже Никиту Михалкова. В том числе был и Турчинский. А в качестве идеального президента, потому что там был вопрос о том, как им кажется, каким должен быть идеальный президент, кто-то называл Сталина, и говорил, что именно его методы были хороши, и что именно такой человек мог бы навести в России порядок.

МЕДВЕДЕВ: Валерия, последний вопрос: насколько существует в этой группе протестный потенциал?

КАСАМАРА: Его просто нет, он полностью отсутствует. Там стопроцентная комфортность, поэтому ни про какой протестный потенциал там даже говорить не приходится.

МЕДВЕДЕВ: Ясно. Хорошо, спасибо большое. У нас по телефону была заместитель декана факультета политологии Высшей школы экономики Валерия Касамара. Спасибо.

КАСАМАРА: Спасибо, коллеги.

МЕДВЕДЕВ: Ну вот, мне кажется, то же самое, выводы подтверждаются. О том, что отсутствие протестного потенциала, оно совпадает вот с этим отсутствием вообще какой-либо общественной закваски. То, что распадается детство на какие-то мини проекты. Кто-то в эмо-движение идёт, кто-то хиппи, кто-то в Интернете по сетке всё время режется. То есть, нету таких больших мотиваций, связанных с будущим, связанных со строительством своей жизни.

ШЕЙХЕТОВ: Вы знаете, предыдущий комментатор, она говорила, скорее, о маргинальных слоях современной молодёжи, а я бы хотел сказать про более благополучных ребят, детей среднего класса. Да, действительно, каких-то протестных настроений нету, нельзя сказать, что они очень сильно политически активны или сильно политически ангажированы. Есть, конечно, ребята, которые члены различных партий и молодёжных движений, но их, в принципе, немного. Тем не менее, изменения в политической культуре происходят, причём, на мой взгляд, они происходят в довольно благоприятном направлении.

Вот тот интерес к различным субкультурам и тот факт, что эти люди в каких-то группах друг с другом постоянно общаются, он учит их организовывать какие-то, пусть небольшие, но, тем не менее, коллективные действия. То, чего не было в предыдущем

поколении и не было у их родителей. То есть это какая-то низовая самоорганизация, но именно в этой низовой организации начинается настоящее гражданское общество. Без этого не будет каких-то зрелых политических действий и участия в политике на более высоком уровне.

А так, вот эта политика малых дел, когда они у себя где-то там, в своём районе, в своём учебном заведении, они могут, по крайней мере, самоорганизоваться, во многом, кстати, благодаря социальным сетям и Интернету и что-то сделать, по крайней мере, чего-то добиться. На мой взгляд, это достаточно позитивное изменение.

МЕДВЕДЕВ: Ну да, очень хочется. Напоминаю наш телефон: 730-73-70 730-73-70. Звоните, и скажите нам, считаете ли вы, что наши нынешние дети стали более инфантильны по сравнению с предыдущим поколением. Светлана?

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Я хотела бы продолжить мысль и сказать, что в этом смысле мне бы очень не хотелось, чтобы у нас осталось впечатление, что поколение ноль – это какая-то нижняя точка. Ноль – это определённое место на системе координат между отрицательными значениями и положительными. И многие в этом поколении мне видятся лучшим, чем было у предыдущего поколения. Вот, например то, о чём только что Сергей говорил...

МЕДВЕДЕВ: То есть способность самоорганизации в малых группах.

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА: Самоорганизация в малых группах. То, что в советские времена всё-таки общественная организация, комсомол, пионерская организация давала такие навыки, при всех отрицательных её характеристиках. Потом было целое поколение, которое ниоткуда не получило таких элементарных навыков совместных действий, обсуждения, принятия правил и тому подобное. Сегодня это вновь возникает, действительно. Думаю, что вот...

СИРЫЙ: Да, я хотел бы продолжить. Во-первых, и власть, и система образования прекрасно понимают, что детей необходимо организовывать, в первую очередь понимаются те проблемы, которые существуют. Проблема профориентации, она существенная, поэтому принимаются целые программы на уровне Департамента образования города Москвы по введению в учебные планы предметов, связанных с профориентацией.

Я хочу сказать, что даже у нас в гимназии специально работают учёные в экспериментальной площадке для того, чтобы непосредственно с детьми, с родителями, с учителями определить то будущее ребёнка, на которое он должен выходить, допустим, на третьей ступени обучения, на мультипрофильном обучении и в последующем обучении уже в вузе. Более того, я хочу сказать, что сейчас создаётся очень много интересных проектов по созданию переговорных площадок между детьми, органами власти и науки. Представьте себе, координация вот этой работы на сегодняшний момент, мне кажется, имеет хорошее будущее.

МЕДВЕДЕВ: Ну да, здесь вы говорите о таких больших проектах. Ну, вопрос в том, какой процент детей, школьников затронут этими проектами.

СИРЫЙ: Я могу отвечать за целый Северо-западный округ, это десятая часть Москвы. Это на уровне округа создана целая программа, экспериментальная программа, где

работают научно-исследовательские институты по разработке вот этих вот проектов. Мощнейшая система.

МЕДВЕДЕВ: Понятно.

СИРЫЙ: И органы власти в том числе.

МЕДВЕДЕВ: Вы знаете, мне очень нравится, появились у нас какие-то позитивные ноты от вот этой критики, с которой мы начали, и это очень хорошо ближе к концу эфира. И вот у нас звонит Илья, который не считает нашу нынешнюю молодёжь более инфантильной. Илья, добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Меня зовут Илья, мне 21 год. Я считаю, что всё-таки наша молодёжь не является инфантильной. Просто в наше время она старается как-то себя проявить всегда. И различные движения, которые возникают, это способ самовыражения. И просто основная задача школы – направлять их потенциал и из возможности в более правильное русло, чтобы они могли в будущем лучше реализоваться.

МЕДВЕДЕВ: Илья, вы студент?

СЛУШАТЕЛЬ: Я студент, мне 21 год.

МЕДВЕДЕВ: У вас уже есть какой-то жизненный план, ориентир, вы знаете, что будете делать дальше?

СЛУШАТЕЛЬ: Да, конечно. Я родился в Оренбурге, я сознательно поступал в Москву заниматься генетикой, потому в Оренбурге нет такого образования. И моя школа мне всё-таки помогла как-то более-менее разобраться в ситуации в нашем городе, в нашей стране, чтобы я мог принять правильное решение.

МЕДВЕДЕВ: То есть вы уже изначально ехали в Москву, зная, что будете заниматься генетикой, вы поступили...

СЛУШАТЕЛЬ: Не изначально, а где-то в классе 9. Но это больше действие средств массовой информации, чем школы. А школа просто не мешала мне, она дала мне платформу, чтобы я мог как можно лучше изучить всё, чем я могу заняться.

МЕДВЕДЕВ: И вы будете заниматься генетикой по выпуску?

СЛУШАТЕЛЬ: На данный момент я стараюсь сделать всё, чтобы заниматься.

МЕДВЕДЕВ: И хотите остаться в России?

СЛУШАТЕЛЬ: Да. Я патриот!

МЕДВЕДЕВ: Ну что, Илья, спасибо! Очень хороший звонок. Удачи вам в таком жизненном пути! 730-73-70 730-73-70, звоните нам, разубедите нас, поскольку мы начали с достаточно пессимистичного мнения, что нынешняя молодёжь более инфантильна. Вот Илья, конечно, блестящий случай, потому что... Вот Василий пишет на сайт, что опрос будущих выпускников дальневосточных университетов показал (там сильная языковая подготовка по восточным языкам), что большинство хотят уехать из страны навсегда. То есть вот это вот тоже есть.

В связи с этим я хочу поставить, может быть, главный вопрос. Проект будущего. Есть ли у детей вот этот образ будущего? Потому что у меня есть такое ощущение, что у нас в стране постепенно размывается вот эта вот идея будущего, устремлённости в будущее. Поэтому звонок Ильи меня очень приободрил. Есть человек, у которого есть некая жизненная траектория и перспектива. А есть ли она вообще у детей, Николай Иванович?

СИРЫЙ: Я хочу сказать, что мы, например, были первыми в Москве и в России победителями национального проекта "Образование". И потом в следующем году мы стали победителями проекта Департамента образования города Москвы, который носил название "Школа будущего". На самом деле, действительно, на уровне города принята такая глобальная программа "Школа будущего", где строятся перспективы развития образования, развития детей.

И я хочу сказать, что новая президентская программа, которая называется "Наша новая школа", она как бы является продолжением вот этой программы "Школа будущего". Более того, я хочу сказать, что...

МЕДВЕДЕВ: Николай Иванович, позвольте, прерву. Всё-таки мне кажется, здесь не на уровне названия, а в целом, глядя на весь состав детей нынешних. Вот это вот целеполагание, целеустремлённость, она существует?

СИРЫЙ: Существует. Конечно, нельзя говорить за всех детей, это понятно. Потому что Москва – это явно выделяющийся регион. В целом по России нельзя, конечно, говорить за всех детей. Хотя дети с периферии звонят, они об этом говорят. Вы знаете, я был в командировке в Бурятии в этом году, я видел, насколько много вкладывают в образование и развитие именно одарённых детей. Мне кажется, что, если мы будем поднимать одарённых детей, мотивированных на учёбу, не только одарённых детей... За этим идёт будущее. Понятно, что не все дети являются одарёнными...

МЕДВЕДЕВ: Слушайте, вы просто меняете мои представления здесь. Я такой мрак развёл в блоге, если кому интересно – почитайте.

СИРЫЙ: Но, к сожалению, есть тревоги, они связаны с финансированием и тревоги связанные с тем, что, к огромному сожалению, лимитируется финансирование на исследовательскую деятельность. Это очень тревожно.

МЕДВЕДЕВ: Ну это уже, так сказать, выше уровень. Мы сейчас говорим просто о выживании многих школ. Вы знаете, давайте я возьму последние два звонка, а потом подведём некие итоги нашей передачи. Андрей, добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Мне кажется, что нынешнее поколение детей навряд ли можно назвать инфантильным в виду того, что слишком велик фактор неопределённости при построении будущей жизни. Мне кажется, надо договориться, с каким именно поколением мы сравниваем. В каком-то смысле в советское время было проще, потому что была, так или иначе, некоторая накатанная дорожка.

МЕДВЕДЕВ: Нет, давайте с поколением 80-90-х, поколение 10 и 20 лет назад.

СЛУШАТЕЛЬ: Ну, вот я восьмидесятник тогда, хорошо. Я бы не сказал, что нынешнему поколению жить проще, потому что много чего девальвировалось. Образование, оно... Сейчас диплом как таковой не даёт ничего уже по большому счёту.

МЕДВЕДЕВ: Значит, вы считаете, что нынешнее поколение адекватно, оно адаптируется к вот этой цивилизации риска?

СЛУШАТЕЛЬ: Безусловно, оно адаптируется. Как и любое другое поколение адаптируется к среде, в которой оно существует.

МЕДВЕДЕВ: Понятно. Спасибо, Андрей. И последний звонок. Александр, добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый вечер. Мне немножко говорить здесь сложно, потому что я сам работаю в системе образования в Политехническом колледже. Но я могу сказать одно, что насчёт инфантильности я, конечно, не согласен. Дети не инфантильные. Просто образование это тоже продукт, его надо преподавать, надо объяснить, что и почему. Понимаете, если дети спят на уроке у преподавателя, то это не значит, что дети плохие – это проблема преподавателя.

А мы со своей стороны, с моей точки зрения, нашли удачную модель. Ну, здесь ещё помогла программа правительства Москвы "Рабочие кадры". Мы нашли достаточно удачную модель, заинтересовали детей, обучаем их новым программам, новому оборудованию. И они понимают, куда они пойдут, где они будут востребованы. Вплоть до того, какая у них будет зарплата.

МЕДВЕДЕВ: Ясно. Спасибо, Александр. Ну что ж, мы подошли к концу нашего эфира. Вы знаете, по ходу вот этих дискуссий наши гости и звонящие нам слушатели как-то немножко начинают менять моё сознание. Я для себя такой примерно вывод сформулировал, что, то, что зарождается сейчас, это некие большие социологические тренды будущего.

То, что говорили, не выбирают дети рано профессию. А не нужно выбирать, потому что к тому моменту, когда они закончат образование, само понятие профессии изменится. Вот эта смена жизненных траекторий... Опять-таки, множество мелких субкультур. Так вот, то же самое, у нас сейчас приходит некая цивилизация досуга, когда человек в большей степени самореализуется не на рабочем месте, не в своей гражданской и политической активности, а вот в этих вот мелких субкультурах, которые может быть даже глобальные.

Вот сейчас последний звонивший говорил "риск". Опять-таки, вот эта социология, цивилизация риска, о чём говорит Ульрих Бек. То есть вот это новое поколение, которое более адаптировано к риску. Так что, может быть, это не то, что наше общество потеряло образ будущего, но вот эти какие-то фрагменты будущего, которые начинают зарождаться в наших детях.

Ну, я думаю, мы им всем пожелаем успеха на выпускных экзаменах, на вступительных экзаменах или на выборе их первой профессии, который сейчас им всем предстоит.

Спасибо, что были с нами. У нас в гостях были: Сергей Шейхетов, директор по исследованиям компании "Ипсос", Николай Иванович Сирый, директор гимназии № 1519 Москвы, Светлана Николаевна Майорова-Щеглова, профессор РГГУ. И я, ваш верный археолог Сергей Медведев.